

УДК 82

ДЕМИФОЛОГИЗАЦИЯ ДЕТСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РОК-ПОЭЗИИ

© 2013 г.

А.Ю. Конкина

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

alena-kon@yandex.ru

Поступила в редакцию 03.12.2012

Рассматривается проблема демифологизации детства в современной русской рок-поэзии на материале композиций групп «Сплин» и Nautilus Pompilius. Особое внимание уделено факту сближения темы детства с мотивом смерти, которое позволяет выявить связь рок-поэзии и с отечественной литературой начала 20 века, и с архаическими представлениями о детях.

Ключевые слова: рок-поэзия, миф, демифологизация, мотивы детства и смерти, «Сплин», Nautilus Pompilius.

Весьма актуальный в современной науке вопрос о мифе нашел свое отражение и в исследованиях, касающихся русской рок-поэзии. Работы, в которых так или иначе затрагивается эта тема, обычно апеллируют к двум противоположным процессам: мифологизации и демифологизации [1], что в контексте общей амбивалентности рока позволяет говорить об их тесной связи.

Исходя из основных значений термина «миф», мы будем понимать под ним «относительно устойчивые стереотипы массового обыденного сознания, обусловленные: а) недостаточной информированностью, б) высокой степенью доверия» [2, с. 14], и под демифологизацией, соответственно, разрушение этих представлений.

Одним из таких мифов, который еще со времен появления работ З. Фрейда подвергается постоянному развенчанию, является миф о детстве, включающий в себя отношение к детям как к существам невинным, непосредственным, лишенным рассудочности и холодности, не связанным с грязным миром взрослых, «цветам жизни», за которыми видится будущее. Несмотря на обилие демифологизирующих это представление факторов (исследования по психологии, социологии, художественная литература и т. д.), оно живо до сих пор, и вряд ли можно полностью отрицать его связь с реальной действительностью. Наибольший интерес как раз представляют основания, способные его разрушить.

Рок-культура, с истоков пропагандирующая собственную оппозиционность, не могла обойти стороной тему детства, которое – со всей своей чистотой и незапятнанностью – не вписывалось в ее деструктивную картину мира. Любопытно, что русский рок эпохи 80-х, будучи занятым скорее политическими проблемами, не отличился провокационным взглядом на тему детства,

и более того – даже частым использованием образов детей в своих текстах. Ближе к 90-м и далее, когда в роке усиливаются философские мотивы и ослабляется социальный подтекст, эта тема начинает звучать чаще, однако в весьма непривычной форме.

Тенденция к демифологизации детских образов утвердилась еще в творчестве группы Nautilus Pompilius, где детство оказывается прочно связанным с грехом, жестокостью, насилием, болезнью, безумием, смертью [3], – даже в тех случаях, когда ребенок является не источником беды, а ее жертвой. Такой «патологический» взгляд обусловлен в большей степени подходом рок-культуры к восприятию действительности: о какой вере в светлое будущее может идти речь, когда даже ребенок изображается в негативных тонах: «От тебя табачный запах/ крепких взрослых папирос/ у тебя в кармане рюмка/ у тебя в ботинке нож/ ты растрепан неопрятен/ на кого же ты похож» [4, с. 194]?

Однако наибольший интерес вызывает связь темы детства с темой смерти. В текстах «Наутилуса» такие ассоциации проявляются через параллелизм или сравнения, ненавязчиво указывающие на то, что дети в восприятии лирического героя подобны мертвым или приносящим смерть: «Я боюсь младенцев/ я боюсь мертвецов» [4, с. 238], «Нежный вампир/ как невинный младенец» [4, с. 308]. Конечно, в подобных контекстах важен не столько сам факт подобной связи образов, сколько критерий, на основании которого осуществляется это семантическое сближение. Чтобы разобраться в этом, обратимся к текстам группы «Сплин», в которых затронутый нами вопрос получил значительно большее развитие.

В песнях Александра Васильева развенчанию подвергается, пожалуй, самое устойчивое

убеждение: дети – это будущее. И если у Nautilus Pompilius дети скорее вписаны в общую негативную картину мира, где настоящее разрушено, а на будущее при таком положении дел надежды мало, то у «Сплина» жизнь заканчивается там, где появляются дети. Этот мотив можно проследить на примере нескольких песен. Так, в одной из ранних композиций – «Мне сказали слово...» – фигурируют следующие строки: *«Я вчера узнал из сводки новостей/, что я умру непознанным в тени своих детей»* [5, с. 9]. Более яркий пример – баллада «Сказка», апеллирующая к архетипическому сюжету о герое, который не может иметь (не имеет) детей. Однако перед ним ставятся условия, при выполнении которых он может стать отцом: *«Если хочешь дочь – брось голову в огонь, захочешь сына – так отдай мне правую ладонь; не будь упрямым как осёл, будь чистым как слеза, но знай: захочешь обмануть – вдова родит козла»* [5, с. 15]. История заканчивается плачевно: все же решив обмануть хитрого волка, герой лишается не только заявленных по условию головы и правой ладони, но и жизни в итоге, и вместо ребенка действительно рождается козел.

У «Сплина» также проявляется сходное с концепцией «Наутилуса» отношение к детям как к части деструктивной реальности: *«А здесь даже дети умеют вдыхать этот белый как снег порошок/ и дышат на стекла и пишут, что выхода нет»* [5, с. 148]. Интересно, что мотив безысходности, являющийся одним из центральных для творчества этой группы (на разных уровнях – от пространственно-временного до психологического), также оказывается связанным с детьми: если обратиться к песне «Выхода нет», то там одним из самых ярких образов как раз является девочка, которая *«с глазами из самого синего льда тает под огнем пулемета»* [5, с. 78]. В общем виде все эти тенденции очень напоминают блоковский «страшный мир», из которого тоже «исхода нет».

Образ мертвой девочки можно отметить и в одной из ранних песен группы «Сплин» с весьма символическим названием – «Война»: *«Я знаю, что будет война/, потускнеют умы, разобьются сердца/, и девочка с пулей во лбу/ будет громко смеяться над трупом отца»* [5, с. 13]. В «Корне Мандрагоры», написанном примерно в то же время, но позже изданном, появляется менее явно связанный со смертью, но тоже неоднозначный образ: *«И девочка в белом считает до ста, изогнувшись как лира/, и смотрит на меня с укором»* [5, с. 147]. Такой мотив страха перед глазами детей можно отметить в композиции «Будь моей тенью» [5, с. 24], где герой *«бежал сквозь подзорные трубы от испуганных глаз детей», и*

в песнях группы Nautilus Pompilius «Воздух» и «Сестры печали»¹.

Кроме того, ассоциативные сближения детей и мертвых, детства и смерти легко обнаружить и в других текстах группы «Сплин». Так, в психоделической композиции «Все включено» появляется параллелизм в духе того же «Наутилуса»: *«Детям все равно, мертвым все равно»* [5, с. 184], который за счет многочисленных повторов во многом определяет ее трагическое звучание, а в песне «Время, назад!» особую экспрессию приобретают слова: *«Кто-то летает кругами над детской площадкой, весь начиненный взрывчаткой. Жить сорвалось»* [5, с. 129]. Подобные параллели возникают даже там, где образы строятся на метафоре: *«Мы будем петь и смеяться как дети/, мы похоронены на Невском проспекте»* [5, с. 52].

Кроме того, можно отметить еще один интересный факт: «Сплин» не обходит стороной тему будущего, продолжения жизни, но в таком случае вместо слова *дети* появляется нейтральное *люди*: об этом в первую очередь песня «Новые люди»². Что касается иных номинаций детей, например: *сын, мальчик, ребенок*, то в окружающих их контекстах не наблюдается каких-либо демифологизирующих «сдвигов», что позволяет нам предположить наличие связи с темой смерти и негативной реальности только у понятий *дети* и *девочка*. В сравнении с этим у «Наутилуса» наиболее негативные коннотации связаны с образами *младенцев*.

Несложно увидеть, что процесс демифологизации детства в рок-поэзии сопровождается последующей мифологизацией, то есть, созданием нового мифа на базе разрушенного. Это не случайно, поскольку еще первые критики русского рока отмечали, что у «рок-поэзии тоже свои законы и своя система ценностей, во многом противоположные тем, к которым мы привыкли» [6]. Тем не менее было бы ошибкой считать рок-поэзию с ее мифами замкнутой сферой, в которой нестандартные представления о мире определяются только спецификой мифологического сознания реципиентов и творцов этой культуры. Применительно к проблеме связи мотивов детства и смерти можно сказать, что такое соотношение является и новым, и старым одновременно: для современного общества подобные параллели кажутся кощунственными, в то время как в архаической картине мира у некрещеного младенца еще нет души, и, следовательно, он не может считаться до конца живым³. А если учитывать цикличное восприятие оси времени, где рождение и смерть сойдутся в одной точке, то становится ясно, почему образы детей соотносятся с образами мертвых.

Подобные идеи фигурируют и в литературе начала 20 века, являющейся одним из источников современной рок-поэзии. Так, у О.Э. Мандельштама мы встречаем следующие строки: «О, как мы любим лицемерить/ И забываем без труда/ То, что мы в детстве ближе к смерти, / Чем в наши зрелые года». В большей степени отличился Д. Хармс, который никогда не скрывал своей ненависти к детям, что нашло отражение в ряде его произведений: к примеру, в повести «Старуха» есть весьма примечательная сцена разговора о том, что хуже – дети или покойники⁴. Близок к его идеям и В.В. Маяковский с известной фразой: «Я люблю смотреть, как умирают дети». Кроме того, здесь можно было бы упомянуть и современный кинематограф, изобилующий различными вариациями на тему детей-призраков.

Таким образом, очевидно, что рок-поэзия, создавая собственные мифы на основании развенчанных традиционных представлений, с одной стороны, предлагает оппозиционный взгляд на действительность, а с другой – содержит в себе идеи, восходящие из глубин русской культуры.

Примечания

1. Что мы делаем здесь, на земле?
Дети смотрят на нас свысока
И собаки плюют нам вслед. («Воздух») [4, с. 205]
Посмотри на них так как смотрит ребенок
Передай им привет и останься у них ночевать («Сестры печали») [4, с. 311].
2. Учитывая текст песни, такую замену можно объяснить, с одной стороны, стремлением к эвфемизации,

а с другой – желанием избежать употребления слова, которое в контексте творчества группы больше связано со смертью, нежели с новой жизнью.

3. У многих народов Сибири существовали представления, что до определенного возраста (до 5, 6 или 7 лет) у детей нет души и потому они как бы «не совсем люди».

4. – ...Терпеть не могу покойников и детей.

– Да, дети – гадость, – согласился Сакердон Михайлович.

– А что, по-вашему, хуже: покойники или дети? – спросил я.

– Дети, пожалуй, хуже, они чаще мешают нам. А покойники все-таки не врываются в нашу жизнь, – сказал Сакердон Михайлович.

Список литературы

1. Нугманова Г.Ш. Миф и антимиф о БГ // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып. 3. Тверь, 2000. С. 173–178.
2. Пивоев В.М. Мифологическое сознание как способ освоения мира. Петрозаводск: Карелия, 1991. 111 с.
3. Козицкая Е.А. Рецепции традиционных культурных мифов, «вечных образов» и сюжетов в современной русской рок-поэзии (на материале текстов группы «NAUTILUS POMPILIUS») // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып. 3. Тверь, 2000. С. 184–193.
4. NAUTILUS POMPILIUS: Введение в наутилусоведение. М.: Терра, 1997. 400 с., илл.
5. Васильев А. Сплин. Тексты песен. М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2008. 221 с.
6. Троицкий А. Песни городских вольеров (Общие соображения). М. Науменко и др. // УХО. № 1 (5), 1982. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://japson.ru/gold/uho/uho1.htm#co>

DEMYTHOLOGIZATION OF CHILDHOOD IN MODERN RUSSIAN ROCK POETRY

A.Yu. Konkina

This article considers the problem of demythologization of childhood in modern Russian rock poetry (songs of «Spleen» and «Nautilus Pompilius»). The author analyzes the convergence of motifs of childhood and death, revealing a connection between the Russian rock poetry, the Russian literature of the early 20th century and national archaic notions about children.

Keywords: rock poetry, myth, demythologization, motifs of childhood and death, «Spleen», «Nautilus Pompilius».